

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Еп. Сергей (Тихомиров)

Месяц по Японии:
Путевые заметки и впечатления

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 3. С. 390-402.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Мѣсяцъ по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

13-го августа. Сегодня усталыя ноги усадили меня до обѣда дома. И я припоминалъ все, что мнѣ пришлось видѣть во время посѣщенія христіанъ. Я посѣтилъ 45 квартиръ. Были здѣсь и комнаты вдовушекъ, были и богатые. дома старость. Но всюду меня поражала простота обстановки, однообразіе въ устройствѣ комнатъ, и слишкомъ уже легкая постройка домовъ!—Вотъ домъ состоятельнаго человѣка: войдя съ улицы чрезъ узенькую, низенькую, рѣшетчатую дверь, отодвигаемую въ сторону по рѣшетчатымъ же ширмамъ, мы стоимъ на маленькомъ пространствѣ земли, хорошо утрамбованной, или залитой цементомъ, или выложенной кирпичемъ: аршинъ-полтора въ ширину, аршина два-три въ длину. Здѣсь японцы оставляютъ свои гэта, здѣсь мы снимали свои сапоги. Отсюда шагнувъ четверти-на 2 вверхъ, мы уже стояли въ комнатѣ, сплошь устланной «татами», изъ соломы искусно сплетенными матами, вершка 1½ въ толщину. Всѣ ширмы днемъ сняты, и лишь стѣнки, въ которыя они вставляются, показываютъ намъ слѣдующую комнату, гдѣ обычно въ углу, подъ потолкомъ, устраивается божничка: пѣчто, вродѣ висящаго внизъ отверстіемъ вверхъ дномъ, оштукатуреннаго ящика. Здѣсь христіане ставятъ иконы, а язычники своихъ идоловъ, или—вѣсятъ свои изреченія и изображенія... Далѣе, обычно, маленькій дворикъ, иногда размѣромъ въ квадратную сажень. Но въ немъ всегда растетъ дерево или два и стоятъ горшки съ соснами, съ цвѣ-

*) Продолженіе. См. февраль.

тами; иногда банки съ рыбой: это домашній садикъ. Если домъ богатый, а его я и разумѣю, то за садикомъ опять есть комната—двѣ; а около садика *вездѣ*, и въ домѣ бѣдномъ, вы найдете то, что обычно прячется куда-нибудь подальше; но что здѣсь въ одной своей половинѣ устраивается даже безъ дверей. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи въ Японіи царятъ еще привычки и взгляды райскаго человѣка... Не скажу, чтобы это сосѣдство, особенно съ наиболѣе почетной комнатой, служило къ услажденію обонянія почтенныхъ гостей... Изъ такого двора, или изъ комнаты, лѣстница ведетъ во второй этажъ, если онъ есть. Лѣстница—всегда хорошо лакированная, эфирно-построенная... Тамъ, во второмъ этажѣ, всегда больше свѣта, много воздуха; всегда больше чистоты, хотя чистота и въ нижнихъ комнатахъ большая!—Отсюда особая лѣсенка идетъ на черепичную крышу, и по черепичной крышѣ на самый ея конекъ, гдѣ устраивается, на подставныхъ тумбочкахъ, досчатая площадка съ квадратную сажень величины (иногда больше, но часто меньше), съ перилами и съ угольными столбиками, сажени 1¹/₂ въ вышину: связанные между собою, эти столбики и служатъ основаніемъ для тѣхъ бамбуковыхъ шестовъ, на которыхъ здѣсь сушатъ бѣлье... Отсюда можно хоть что-нибудь увидѣть дальше стѣпъ своего «садика». Отсюда же горожане смотрятъ на пожары: по первому удару сигнальнаго колокола, кажется, всѣ крыши усѣиваются народомъ!—Таковъ состоятельный домъ. Чѣмъ бѣднѣе хозяинъ, тѣмъ меньше комнатъ. Но прихожая, 2 хотя бы маленькихъ комнатки, и «дворикъ»—«садикъ» всегда есть.

Обстановка въ домахъ самая простая. Столовъ и стульевъ нѣтъ: пьютъ и ѣдятъ, сидя на полу. Иногда бываетъ для работы или столикъ, или конторка, но на ножкахъ вершка въ 4: приспособлены они для сидѣнья передъ ними на полу. Всегда—комодъ съ 10—12 большими ящичками, и нѣсколькими маленькими. Всегда «хибаци», — или въ деревянномъ ящичкѣ, или въ глиняномъ сосудѣ,—это жаровня, съ таганомъ, съ постоянными горячими углями: отсюда закуриваютъ свои трубки и хозяинъ, и хозяйка; здѣсь всегда стоитъ чайникъ съ горячей водой (но не кипяткомъ), почему въ каждую минуту можетъ быть приготовленъ японскій чай.—На стѣнахъ нѣтъ никакихъ украшеній и картинъ; исключеніе—изреченія, написанныя іероглифами на продолговатыхъ листахъ, и въ тоненькихъ рамкахъ висящія гдѣ-нибудь подъ потолкомъ.—Изреченія пи-

шутся (или принадлежать по меньшей мѣрѣ) уважаемымъ чело-
вѣкомъ. Спальныя принадлежности днемъ прячутся куда-
нибудь въ особый уголокъ за ширмой, и поражаютъ своей
несложностью.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, японскій домикъ и домъ! Мое
впечатлѣніе отъ него, конечно, не въ его пользу: и не очень
свѣтло, и зимою вѣроятно не очень тепло; и не очень про-
сторно; и вообще... какъ-то очень скучно.—Но въ этихъ до-
махъ живутъ и нашей европейской обстановкой, хотя бы,
напр., стульями, даже тяготятся. Но, впрочемъ, смотря на
внѣшнюю обстановку квартиръ нашихъ, они ею восхищаются,
повторяя постоянно «кирси», «кирси» (красиво)... Но вер-
нусь, однако, къ сегодняшнему дню.

Сегодня мы извѣстили нашего консула въ Кубе А. С.
Максимова о своемъ намѣреніи съѣздить на кладбище рус-
скихъ военно-плѣнныхъ, жившихъ въ Хамадѣрѣ, въ 9 миляхъ
отъ Оосака. Къ 2 час. А. С.—чѣ прибылъ, и мы, показавъ
ему миссію, поѣхали на вокзалъ «Намба», откуда трамваемъ
и направились въ Хамадѣру: до этой станціи ходятъ трамваи
черезъ каждыя 3 минуты. Поѣздомъ же нужно ѣхать до ст.
Отсу, еще 3 мили дальше; но поѣзда ходятъ рѣже.—Проѣхали
Оосака, летѣли предъ нами пригороды, проѣхали фабричный
городъ Сакаи. Наконецъ, минутъ черезъ 20, мы и въ Хама-
дѣрѣ. Называется это мѣстечко «коэни» — паркъ, и не даромъ:
оно все окружено сосновымъ боромъ! Лежитъ оно на берегу
моря, и сюда ѣздить оосакскіе жители на морскія купанья.
А для русскаго сердца это мѣсто должно быть памятно тѣмъ,
что здѣсь жили нашъ Артурцы... до 22.000 героев-солдатъ.
Въ Хамадѣрѣ мы взяли дзинрикиса и долго, минутъ 40, ѣхали
почти до Отсу: здѣсь среди полей рисовыхъ и устроено рус-
ское кладбище. Оно обнесено деревяннымъ заборомъ, съ же-
лѣзными воротами... Надѣво отъ входа ряды песчаныхъ хол-
миковъ, съ широкими плитами въ возглавіяхъ; на каждой
плитѣ надпись по-русски (нѣсколько — по-польски, двѣ по-
еврейски, одна по-татарски) и по-японски. Нѣсколько могилъ
и направо отъ входа. Все это — артурскіе герои, сданные вмѣстѣ
съ крѣпостью и здѣсь свои кости сложившіе! Вотъ кому до-
стойно имѣть вѣчную память на родинѣ, и тамъ же — мѣсто
вѣчнаго упокоенія!.. — Сразу же при входѣ, направо, стоитъ
громадный камень — памятникъ, сооруженный жителями окрест-
ныхъ селеній. Памятникъ — воинамъ, погребеннымъ здѣсь. И

какимъ симпатичнымъ онъ казался бы, если бы надпись на немъ не упоминала, что эти 89, здѣсь погребенные, изъ числа тѣхъ 22 тысячъ, что жили здѣсь. Памятникъ служитъ сразу двумъ цѣлямъ, и есть дѣло столько же—уваженія къ павшимъ, сколько и гордости своимъ подвигомъ.

Уже издали видна довольно высокая гранитная, круглая колонна съ двуглавымъ орломъ на-верху: это памятникъ павшимъ товарищамъ отъ товарищей артурцевъ. На пяти граняхъ основанія этого памятника—надписи по-русски («миръ праху вашему») и соотвѣтственныя—по-польски, по-нѣмецки, по-еврейски и по-татарски. Надъ надписями—какъ бы эмблемы вѣроисповѣданій: кресты четырехконечный, восьмиконечный, четырехконечный, что-то въ родѣ звѣзды и мѣсяцъ серпомъ... Все это объединено верхомъ: двуглавымъ орломъ. И такъ понятно, и такъ симпатично!—Но признаюсь, я никакъ не могу уразумѣть тѣхъ четырехъ литыхъ одноглавыхъ орловъ, коими увѣнчаны четыре (изъ 8) колонны ограды... Что это? Символь ли орлиной мощи защитниковъ Орлинаго гнѣзда? Или это изобрѣтеніе тѣхъ, кои на плитахъ, и на памятникѣ подчеркнули свою Польшу?.. Если послѣднее,—было бы очень-очень грустно!...

Обойдя все кладбище, мы остановились около этого памятника, и я совершилъ литію по всѣмъ, за вѣру, Царя и Отечество жизнь свою положившимъ...—Съ неба ярко свѣтило солнышко. Синѣло вблизи море, сегодня не столь спокойное. На немъ бѣлѣли паруса... Около ограды толпились собравшіеся съ полей японцы. Изъ-за кустовъ смотрѣли три солдата съ винтовками, возвращающіеся съ ученья... А мы—русскіе—бродили среди этихъ безмолвныхъ могилъ... И хотѣлось услышать голосъ отъ нихъ, отъ этихъ неподражаемыхъ храбрецовъ... И сердце мое чувствуетъ этотъ голосъ... Это вѣчный укоръ тѣмъ, что герои увѣнчали позоромъ сдачи!.. это—сильное желаніе лежать на той землѣ, за которую бѣдные солдатики родныхъ побросали, не дождались, не допивали, ночи не спали, жизни своей не жалѣли...

Упокой, Господи, души всѣхъ, здѣсь погребенныхъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни въздыханій! Но дай и костямъ этимъ лечь на родной землѣ!

Въ переполненныхъ вагонахъ мы возвратились въ Оосака, и пароходикомъ, если только такъ его можно назвать, пріѣхали по грязнымъ Оосакскимъ каналамъ и рѣчкамъ къ мосту

чрезъ Едо-кова («тендзинъ») вблизи миссіи. Здѣсь меня ждалъ съ отвѣтнымъ визитомъ одинъ изъ старостъ Оосакской церкви; напившись чаю съ нимъ, я и поспѣшилъ дать отдыхъ уставшимъ ногамъ.

Однако,—почему же я такъ скоро сталъ уставать? Неужели же еще сказывается почти двухдневное сидѣніе по-японски?

14-е августа. Сегодня я оставляю Оосака и переѣзжаю въ Кёото. Все утро прошло въ сборахъ къ отъѣзду. Кажется, и собирать-то нечего. А пожилъ недѣлю,—и тутъ лежитъ, и тамъ стоитъ твоя вещь; и здѣсь твое письмо, и тамъ твоя записка!—сходилъ попроситься къ батюшкѣ о. Сергію Судзуки, къ діакону о. Петру Уцида. У катихизатора былъ ранѣе. Всѣ работники на Оосакской Христовой землѣ—умные, скромные, добрые люди... Помогли имъ, Господи, въ ихъ трудахъ! А трудовъ имъ такъ много!—Въ 12 часовъ собрались у меня пообѣдать причтъ, старосты общинъ церковныхъ и наиболѣе лежащія церкви хрістіане; всѣхъ было 12 человекъ. Я приготовилъ обѣдъ европейскій, съ пожами и вилками, и ложками... Прошелъ онъ очень семейно... Много вносилъ оживленія одинъ старецъ, восхищавшійся «ложкой»: какъ все это говорить—мудро придумано!... Но однако онъ предпочелъ ѣсть зелень изъ супа вилкой!—О. Діаконъ въ концѣ обѣда сказалъ мнѣ сердечный привѣтъ; а я еще разъ засвидѣтельствовалъ свое полное удовлетвореніе всѣмъ, что встрѣтилъ среди Оосакскихъ хрістіанъ, и около 2 час. дня отбылъ на вокзалъ. Ровно въ 2½ часа подошелъ поѣздъ, а въ 2 ч. 35 м. мы уже поѣхали, оставляя позади далекую, въ копоти, Оосаку; по сердечную, бодрую, съ надеждами на хрістіанство въ пей; и направились въ *Кёото*.

Кёото.

Уже первая станція—по пути въ Кёото—Суита пріятно поражаетъ насъ полнымъ отсутствіемъ копоти и дыму. Чѣмъ дальше ѣдемъ среди полей, среди горъ, тѣмъ воздухъ становится прозрачнѣе. Переѣздъ изъ Оосака въ Кёото занялъ всего 1 ч. 19 м. Время пролетѣло незамѣтно въ бесѣдѣ съ Оосакскимъ катихизаторомъ, поѣхавшимъ для служенія со мной въ Кёото; около 4 часовъ дня я уже здоровался съ Кёотскимъ протоіереемъ о. Семеномъ Мій. Встрѣчалъ на вокзалѣ и представитель мѣстныхъ хрістіанъ.

Во дворѣ церковномъ толпой встрѣтили меня воспитанницы женскаго училища, мѣстные христіане, семья батюшки, о. діакона и катихизатора. Мнѣ отвели помѣщеніе на верху священническаго дома, гдѣ въ ожиданіи всенощнаго бдѣнія я и подкрѣплялся чаемъ, дѣлясь своими Оосакскими впечатлѣніями.

Часовъ въ 5 пришли христіане и попросили у меня «наставленій». Здѣсь вообще любятъ слушать наставленія, и къ такимъ просьбамъ всегда нужно быть готовымъ. Усѣлись они на полу, человекъ 10; а я, сидя на стулѣ, началъ свою бесѣду съ ними... Конечно, бесѣда могла быть только самою простою! Я выразилъ радость, что пріѣхалъ въ Кёото, именемъ котораго я титулуюся, я сказалъ, что смотрю на Кёото какъ на свой въ нѣкоторомъ родѣ городъ, проповѣтаніе церкви въ которомъ для меня далеко не безразлично; почему со своей стороны я постараюсь, когда получу возможность, внести долю труда въ тотъ трудъ, который здѣсь несутъ уже мѣстные дѣятели.—Отмѣтивъ далѣе тѣ препятствія, которыя распространенію вѣры Христовой въ Кёото ставятся уже тѣмъ однимъ, что Кёото—центръ религіозной жизни буддійской и синтоистской (какъ въ Россіи—Москва), я горячо призывалъ всѣхъ христіанъ сплотиться въ тѣсную семью работниковъ и всѣмъ нести долю своего труда по распространенію вѣры Христовой. Сравнивъ церковь Христову съ тѣломъ, съ организмомъ, я частью указывалъ на то, чѣмъ могутъ помочь намъ въ дѣлѣ проповѣди Христа и міряне: одни—благотвореніемъ, другіе—проповѣдью частною среди знакомыхъ язычниковъ, а всѣ непременно—доброю жизнью по завѣтамъ Христа.—Закончилась же наша бесѣда совершенно по-домашнему; и какой-то глубокой старинной, чѣмъ то изъ первыхъ временъ христіанства повѣяло,—когда я долженъ былъ имъ повѣдать, распространяется ли вѣра Христова въ Мацуямѣ, въ Кобе, въ Оосака, и твердо ли въ вѣрѣ стоятъ тамошніе братья!—Взаимно довольные, мы разстались безъ 10 м. въ 6 ч. в.; а ровно въ 6 час. раздался ударъ колокола: зазвонили на колоколнѣ *собора*.

По случаю двенадцатаго праздника и по случаю моего перваго пріѣзда встрѣчу мнѣ устроили въ церкви съ мантией. Служилъ о. Семень Мій съ діакonomъ о. Т. Кано. Пѣли пѣвчіе женскаго училища. Христіанъ немного было, — по достаточно, если принять во вниманіе, что и всѣхъ-то христіанъ въ Кёото еще не такъ много (ок. 100 чел.)! Я выхо-

диль на литію и величаніе; я же и окончилъ службу. Въ числѣ молящихся пріятно было видѣть русскаго офицера-казака, П. А. Захаревскаго съ женой и малютками-дѣтьми: съ отраднымъ чувствомъ отмѣчалъ, что и здѣсь, и въ Тоокѳо проживающіе на практикѣ русскіе студенты-восточники не забываютъ въ праздники храма Божіяго!.. Какъ съ русскими не познакомиться?! А на чужбинѣ забываются всё требованія «приличій»... Лишь бы увидѣть родное лицо!.. Такъ и съ ними я здоровался, какъ съ давно уже знакомыми! Они у меня послѣ всенощнаго пили чай. А я завтра у нихъ буду обѣдать.

Поздно вечеромъ, вдыхая полною грудью чистый воздухъ, я сидѣлъ у открытаго окна и мечталъ... Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не жить епископу кѳотосскому въ Кѳото? Почему бы благоразумно не избѣжать Оосакской копоти? Правда, видѣлъ я дыму и копоти въ Петербургѣ; но тамъ все же не летѣла сажа на кабинетный столъ кусками!

А вѣдь живя въ Кѳото, съ полнымъ удобствомъ я могъ бы работать и для него, города громаднаго (ок. 380.500 жит.), и для Оосака, и для Кобе! Переѣзды между этими городами такъ скоры и такъ дешевы!

Вопросъ этотъ теперь особенно меня интересуетъ въ виду предстоящей постройки домовъ и церкви въ Оосака. Но объ этомъ нужно говорить съ Дай-Сикѳо ¹⁾...

15-е августа. Путешествуя, чуть не забылъ я свои юбилейные дни! А вѣдь вчера исполнилось уже два мѣсяца моего пребыванія въ Японіи. Слава Богу за эти два мѣсяца! Конечно, я еще не заговорилъ по-японски, но все же и не стоялъ въ этомъ отношеніи на мертвой точкѣ. Но я успѣлъ уже нѣсколько ознакомиться съ людьми и съ ихъ правами; съ жизнью японцевъ и ея особенностями; съ христіанами и съ ихъ настроеніемъ: съ дѣятелями японской церкви; наконецъ — съ природой и ея красотами. И скажу по совѣсти: я не могъ не полюбить той нивы, на которую Господь призвалъ меня! Не отозвался на моемъ здоровьѣ и нѣсколько другой, сравнительно съ петербургскимъ, климатъ... Какъ же не сказать отъ полноты благодарнаго сердца: Богу, все къ лучшему устрояющему, за все и всегда слава и благодареніе!

¹⁾ Владыка архіепископъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ моему желанію, считая и съ своей стороны Кѳото болѣе подходящимъ городомъ для епископа. 6. IX. 1908. Е. С.

Сегодня я отслужилъ въ кёотоской церкви литургію. Церковь новая, освящена въ 1903 г., деревянная, въ честь и память Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Довольно просторный алтарь, трехъярусный бѣлый иконостасъ хорошаго письма, очень просторная церковь, масса свѣта, прекрасный малиновый коверъ;—все это такъ пріятно для глазъ, такъ от- радно для души!.. Хорошо, уютно чувствуется въ этой «ми- ленькой» (скажу по-институтски) церкви! Снаружи бѣлая, съ особо выдающимся алтаремъ, съ высокой колокольней,—цер- ковь ласкаетъ взоръ русскаго человѣка среди безконечнаго количества здѣсь буддійскихъ «тера» и синтоистскихъ «мія»! На колокольнѣ 7 колоколовъ, вѣсомъ около 98 пудовъ. Громко звонъ ихъ раздается далеко кругомъ! Въ день освященія здѣш- ней нашей церкви Микадо былъ въ Кёото; и когда онъ, окру- женный свитой, сѣлся въ экипажъ, у насъ зазвонили... Ми- кадо прислушался... И этимъ молчаливо какъ бы узаконилъ нашъ звонъ (Императорскій дворецъ находится отъ церкви очень близко).

Въ церковномъ дворѣ помѣщаются домъ священника, домъ діакона, домъ церковнаго сторожа, женское училище и домъ сторожа этого училища. Словомъ: населеніе наше здѣсь не- малое! Весь дворикъ засажень всевозможными мѣстными де- ревями, — соснами, криптомеріями, фисташками и др., — и такъ-то красиво выглядятъ! Подъ окнами у меня растутъ смо- ковницы и большіе кусты олеандровъ!.. Къ сожалѣнію, оле- андры уже отцвѣли!..

И сосѣдей хорошихъ далъ Богъ намъ здѣсь: два громад- ныхъ дома начальныхъ народныхъ училищъ, пустые лѣтомъ, съ тысячнымъ населеніемъ въ учебное время. При нихъ— прекрасный дворъ для игръ. Живетъ миссія съ сосѣдями въ полномъ мирѣ.

Вообще же, наша Церковь и здѣсь занимаетъ одно изъ наиболѣе спокойныхъ мѣстъ въ городѣ, имѣя въ ближайшемъ сосѣдствѣ прекраснѣйшій дворцовый паркъ. На востокъ и за- падъ красиво высятся горы, у подножія которыхъ и располо- жился г. Кёото.

На литургіи было молящихся человѣкъ до 40:—здѣсь дву- надцатыхъ праздниковъ язычники, конечно, не знаютъ и въ такіе дни работаютъ,—приходится работать и трудящимся хри- стианамъ. Я по-японски произнесъ уже восемь возгласовъ; остальное же произносилъ по-славянски. Но, по словамъ о. Мія,

это не должно смущать меня: славянскій языкъ окруженъ въ представленіи вѣрующаго японца ореоломъ какой то священности и его слушать они любятъ. — Конечно, можетъ быть это и такъ; но все же пужно поскорѣе изучить богослуженіе японски...

По окончаніи богослуженія всѣ подошли чинно къ св. кресту, всѣ получили антидоръ. здѣсь неизмѣнно вездѣ раздающійся; и при торжественномъ трезвонѣ я возвратился домой.

Обѣдъ у русскаго офицера Ив. Ал. Захаревскаго. Совершенно неожиданно я былъ порадованъ и вознагражденъ за два мѣсяца нѣкоторыхъ лишеній!.. Я ѣлъ русскіе щи!.. Самые настоящіе русскіе щи! Даже болѣе: ѣлъ русскій кисель! Даже еще болѣе: пилъ чай съ вареньемъ!.. Да! какъ все родное дѣлается особенно роднымъ на чужбинѣ, и какъ такая даже мелочь можетъ трогать тебя, живущаго не обычаями, не жизнью родины!..

Получилъ нѣсколько писемъ изъ Россіи отъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ,—все это скопилось за время моего путешествія и прислано мнѣ владыкою архіепископомъ, восполнившимъ сегодня мои оскудѣвающія динарин. Въ своемъ препроводительномъ письмѣ онъ пишетъ: «не торопитесь въ Тоокѳо, а исполните все предназначенное, посѣтите и порадуйте всѣ мѣста, означенныя въ Вашемъ письмѣ». Итакъ, я еще буду и въ Нагойя, и въ Оказаки, и въ Тосхаси, и въ Сидзуока!.. Еще и еще я буду знакомиться съ христіанами!.. Сопровождаютъ меня и переводить мои рѣчи будетъ, по предложенію владыки, о. Семепъ Мій, нашъ благочинный. «Будьте всегда *благодарны, радостны, совершенно здоровы*, — на 50 лѣтъ жизни въ Японіи для служенія Божьему дѣлу», пишетъ владыка. Да, дѣло здѣсь истинно великое, святое и я молю Господа, да удостоитъ Онъ и меня послужить этому дѣлу! Только 50-ти-то лѣтъ, конечно, не прослужить мнѣ: не достанетъ годовъ моей жизни!.. «Ангель Божій да сопутствуетъ вамъ...» — Спасибо владыкѣ!.. Да, съ этимъ спутникомъ бодро иду и пойду впередъ на служеніи, которое мнѣ всегда такъ пришлось, и которое такъ меня теперь увлекаетъ!.. Впередъ!.. На труды!..

Въ 4 ч. пошли мы знакомиться съ городомъ. И прежде всего направились въ дворцовый садъ — паркъ. По-пути зашли въ синтоистскій храмъ *Горѳ*,—хранитель верхней, сѣвер-

ной части города... Запомнилось, что здѣсь бонза игралъ съ японцами въ шахматы, или въ шашки. Паркъ очень большой и красивый; а воздухъ въ немъ такой хорошій! Какъ приятно было бы здѣсь раннимъ утромъ сидѣть съ «Токухопомъ», а вечеромъ почитать газетки изъ Россіи!.. Зданій дворца близко не видѣли: они за стѣной и видны лишь крыши съ громотоводами. Но видно, что и они—старинной японской постройки, и—говорять—отличаются своей простотой! Здѣсь жили японскіе императоры до настоящаго включительно, который вотъ уже 41-о годъ живетъ въ Тоокёо—(восточная столица). Изрѣдка, при проѣздахъ, онъ останавливается и въ Кёото, которому дано даже офиціальное названіе «Сайкёо»—(западная столица),—названіе, правда, не привившееся.—Къ сѣверу отъ дворцоваго парка, и даже къ западу, громадное пространство занимаетъ конгрегаціонная академія: здѣсь готовятся образованные и искусные пасторы для проповѣди христіанства среди японцевъ. Въ свое время эта академія была основана, и содержалась на американскія деньги, но теперь японцы стряхнули съ себя заморскую зависимость, и имѣютъ свои средства и своего ректора [профессора же и прежніе продолжаютъ служить въ академіи]. Прекрасные каменные дома академіи, женскаго училища, гимназій, молитвеннаго дома; деревянные дома для студентовъ, профессоровъ; всюду сады и садки: чувствуется въ каждомъ деревцѣ, въ каждомъ камнѣ та большая матеріальная сила, которая все это въ свое время воздвигала, а теперь поддерживасть.—Кстати, земля подъ всѣ эти зданія была куплена, говорятъ, чуть ли не по 5 *сень* за «татами»¹⁾; а теперь ее не уступятъ и за 10 — 16 *сень*!.. Такъ въ свое время сумѣли сдѣлать выгодную покунку!..

Идя вдоль сѣверной стороны дворцоваго сада, мы направились къ епископальной церкви. Высокая башня, увѣнчанная крестомъ и обвитая вьющимися растеніями, придаетъ небольшой церкви много красоты. Внутри ея все изящно и очень просто. На престолѣ стоитъ четырехконечный вызолоченный крестъ, двѣ вазы съ цвѣтами;—но больше ничего: нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній!..—При церкви состоитъ живущій по близости старецъ-епископъ и священникъ.—Мы по-

¹⁾ „Татами“—соломенный матъ, которымъ сплошь устилаются поля въ Японіи. Два „татами“ равняются приблизительно квадр. сажени. Сень—копѣйка. Енъ—рубль.

сидѣли на скамьяхъ въ церкви; и мысли мои неслись къ тому золотому времени, когда молитвы о соединеніи церквей принесутъ плодъ свой... Кто знаетъ, быть можетъ именно эта церковь, епископальная, и подастъ намъ ранѣе другихъ руку общенія!.. Будь, будь!..—А теперь!.. Какая горечь, какой стыдъ чувствуется, когда въ страпѣ язычниковъ видишь эти храмы *разныхъ* христіанскихъ исповѣданій.. И одинъ Христосъ, и нѣсколько!.. «Еда раздѣлися Христосъ»?—такъ и хочется закричать! А вреда сколько непоправимаго вреда даетъ наше дѣленіе на исповѣданія дѣлу проповѣди! Господи! Ты дай силу разрозненнымъ сестрамъ-церквямъ собраться во-едино; пусть будутъ подавлены самолюбія; да прозримъ всѣ очами вѣры въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ нужно всѣмъ прозрѣть!.. Да будетъ едино стадо! Вѣдь одинъ у всѣхъ насъ Пастырь-Христосъ! Заглянули въ синтоистскій храмъ Гоо. Небольшой храмъ. Юо около него опять пушка съ разбитымъ стволомъ: добыча 37 года Меиджи (т. е. добыча въ послѣднюю войну). Да!.. Вездѣ-то «добычи»!.. Бѣглымъ осмотромъ замка Ниджо, въ которомъ останавливался сѣогунъ, пріѣзжая представляться императору, мы закончили обзоръ города сегодня, отложивъ продолженіе на дальнѣйшіе дни. Наши спутники направились домой, а мы съ о. Семеномъ пошли въ христіанскія семьи, а потомъ—къ катихизатору и о. діакону. Вездѣ насъ уже съ нетерпѣніемъ ждали... Зажжены лампадки... Предъ иконами мы прежде всего совершили краткую молитву. О. Семень говорилъ краткую сугубую ектенію по-японски, а я заканчивалъ молитву отпустомъ и благословлялъ членовъ семьи. Икона, лампадка, тихо произносимая ектенія, тихое пѣніе «Сю аварэмэ»—Господи помилуй... Какою тихою радостью вѣетъ въ твое сердце отъ этой обстановки!.. И съ какою любовью потомъ выливаются твои слова къ добрымъ христіанамъ. Въ одномъ домѣ—жена, мужъ и усыновленный мальчикъ; въ другомъ — мужъ и жена,—дѣвочку похоронили въ прошломъ году; въ третьемъ — мужъ, жена и четверо дѣтей: благословенная семья! Вездѣ намъ предлагали угощеніе, и съ какою любовною настойчивостью!.. Опять—чай и фрукты!.. Къ моему удовольствію почти вездѣ приготовлены сегодня для меня стулья, —обязанъ этимъ я—вѣроятно—о. Семену! Стульямъ я былъ отъ души радъ: двухдневное оосакское сидѣнье «по-японски» продолжаетъ еще сказываться, и лѣвая моя нога рѣшительно протестуетъ противъ новшества: она въ ступнѣ такъ распухла, что впервые

въ Японіи мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи медицины!..

Пошелъ дождь. Намѣченная прогулка на главную улицу для ознакомленія съ нею, къ моему удовольствію, не состоялась... И я съ большимъ удовольствіемъ «тростію и чернилами» завершаю день свой... Около меня сидитъ сынокъ о. Семена и слѣдитъ за процессомъ письма... Но къ сожалѣнію наша бесѣда съ нимъ не шла еще дальше «улыбокъ»...

16-е августа. Сѣрое утро... Въ воздухѣ—полная тишина... Часовъ въ 8 утра пошелъ очень сильный дождь. Надежды на то, что небо прояснится, не сбылись. Дорогу сильно нагрязнило. Наша поѣздка для осмотра города не могла состояться. Однако послѣ обѣда мы все же на «дзинрикися» съѣздили въ два дома къ христіанамъ. Въ одномъ вся семья сидѣла за работой: готовятъ мелкія бумажныя игрушки для дѣтей... Въ другомъ—христіанинъ лишь одинъ хозяинъ-аптекарь, котораго рекомендуютъ знатокомъ языковъ; нѣсколько словъ онъ знаетъ и по-русски... Въ обоихъ домахъ мы помолились и побесѣдовали. Люди — хорошіе. Однако жаль, что нѣкоторые русскіе, попадая въ Японію, занимаются не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы; и въ числѣ «достопримѣчательностей» русскихъ у аптекаря не нашлось ничего, кромѣ многихъ портретовъ Л. Н. Толстого и Гапона,—даръ русскаго революціонера Б—а!..

Въ 6 ч. вечера пошли мы ко всеобщему бдѣнію. Звоняря хорошаго здѣсь временно нѣтъ. И вотъ, вспомнивъ золотые годы своей юности, поднялся я на высокую колокольню. Подо мной — городъ, изъ котораго, что изъ сердца, въ свое время была ключемъ жизнь и государственная, и религіозная. Затихъ городъ, какъ покинутая столица. Но центромъ религіознымъ остался. И по прежнему тысячи богомольцевъ идутъ къ его стариннымъ храмамъ!.. Шестъ часовъ... Раздался ударъ колокола за нимъ второй, третій... И полились затѣмъ родные звуки!.. И думалъ я, смотря на эти крыши *тери* и *мія*, — чувствуете ли, кто здѣсь благовѣститъ? Чувствуете ли, что здѣсь благовѣщается? Сознаете ли, что каждый новый ударъ колокола — это какъ бы новая вѣсть о побѣдѣ благовѣствующаго Христа, каждый повый ударъ его—какъ «похоронная» вашему господству!.. Но молчатъ крыши кумирень... Взявъ я веревки всѣхъ 7 колоколовъ; привычныя изъ дѣтства руки не измѣнили мнѣ и на этотъ разъ... И съ какимъ чувствомъ я по-русски перебиралъ колокола... И за-

говорили родные колокола! Безъ словъ, но звуками они широко и громко вѣщали Христа! Трижды отзвонилъ я... Съ большими думами я спускался внизъ... Господи! Помоги мнѣ такъ же громко, дерзновенно вѣщать Тебя, какъ дерзновенно звучали эти колокола! И если мѣдъ звенящая зоветъ къ Тебѣ,—помоги и мнѣ, словомъ живымъ, звать къ Тебѣ этихъ, во тьмѣ сидящихъ и тьмѣ служащихъ!..

Хорошо молилось за всеобщей. Собралось достаточно народа, сзади котораго я стоялъ. И какъ хорошо молится этотъ народъ! Вдохновеннымъ словомъ на завтрашнее евангельское чтеніе «о должникѣ тмоу талантовъ» закончилъ о. протоіерей Семень Мій богослуженіе *).

Епископъ Сергій.

•••

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки